

Теория и история культуры
Theory and history of culture

УДК 316.73
ББК 71.4; 60.524

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. В. П. Бабинцев
г. Белгород, Россия

© 2017 г. В. А. Сапрыка
г. Белгород, Россия

© 2017 г. О. В. Быхтин
г. Белгород, Россия

© 2017 г. О. В. Пастюк
г. Магадан, Россия

**ИНТЕРАКЦИЯ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ
ИДЕНТИЧНОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ
РОССИИ И УКРАИНЫ**

Статья подготовлена в рамках Задания №2016/2459
на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности
в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки России
(рук. В. П. Бабинцев)

Аннотация: Темпы современных социальных и политических преобразований в российско-украинском пограничье обуславливают необходимость детального исследования процессов трансформации культурно-цивилизационной идентичности. Трансформация идентичности на постсоветском пространстве обуславливается тремя взаимосвязанными процессами: десоветизация, глобализация, а также происходящие параллельно фрагментация и интеграция идентичности. Специфика трансформации идентичности в приграничных регионах России и Украине определяется барьерной, контактной и интеграционной функций новых границ, а также культурно-исторической общностью территорий. Результаты собственного социологического исследования, позволили выделить значительное превышение значимости ценностей самотрансцендентности для населения приграничных регионов, по сравнению с жителями внутренних территорий. Внешняя открытость приграничья обуславливает возникновение фронта, который можно представить, как незримую пространственную черту, до пределов которой распро-

страняется общность идентичности населения, выходящая за пределы государственных границ. Вместе с тем, согласно данным экспертного опроса, население российского приграничья соотносит себя в культурно-цивилизационном плане с Украиной сильнее, чем непосредственно жители украинского приграничья с Россией.

Ключевые слова: культурно-цивилизационная идентичность, приграничные регионы России и Украины, фронтиры и интеракция идентичностей.

Информация об авторах:

Валентин Павлович Бабинцев — доктор философских наук, заведующий кафедрой социальных технологий, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, 308015 г. Белгород, Россия. E-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Виктор Александрович Сапрыка — кандидат социологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, 308015 г. Белгород, Россия. E-mail: sapryka@bsu.edu.ru

Олег Викторович Быхтин — кандидат социологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, 308015 г. Белгород, Россия. E-mail: bykhtin@bsu.edu.ru

Ольга Владимировна Пастюк — кандидат педагогических наук, доцент, Северо-Восточный государственный университет, ул. Портовая, д. 13, 685000 г. Магадан, Россия. E-mail: pastyuk@su.edu.ru

Дата поступления статьи: 30.06.2016

Дата публикации: 15.03.2017

Введение. Проблемы культурно-цивилизационного самоопределения населения постсоветского приграничья представляют собой уникальный объект для социологических и культурологических исследований. Формирование новых границ и новой государственности на территориях бывшего СССР повлекло за собой кардинальную трансформацию идентичности населения союзных республик, в частности это коснулось традиционных социокультурных ландшафтов приграничья. В исследованиях культурно-цивилизационных идентичностей населения особую роль играют различные аспекты культурных, этнических, национальных и цивилизационных трансформаций, в этой связи локальная идентичность населения приграничных регионов приобретает особый интерес для изучения и проведения научных исследований.

Методология. Рассматривая сложные процессы трансформации идентичности необходимо привести дефиниции понятий исследования. Понятие идентичности является объектом исследования различных отраслей науки. С одной стороны, классическим определением и синонимом идентичности является тождественность. В данном случае тождественность по ряду объективных критериев: систем ценностей, социальных кодов, социальных паттернов, структур и стилей поведения. Однако, с другой стороны, идентичность представляет собой психоэмоциональный результат

проецирования образа собственного «Я» с образом определенной социальной группы или общности. Более того, существует представление о том, что идентичность вообще не может существовать вне рамок репрезентации [5, с. 60]. Разница в методах социологических исследований при различных подходах определения идентичности предполагает необходимость точного определения объекта исследования, с этой целью разграничим данные понятия. При определении объективной тождественности вышеперечисленных критериев предлагается использовать термин общность («belonging»), а в случае определения субъективного психоэмоционального комплекса непосредственно понятие идентичность («identity»).

Одновременно с этим некоторые западные ученые, формируя новое представление об идентичности, обратились к одному из ключевых терминов философской антропологии — понятию Self («самость»), придав ему новое значение. Самость рассматривалась как продукт социальной интеракции, а не как нечто данное индивиду изначально. Таким образом, идентичность стала считаться по своей природе изначально социальной — продуктом и результатом интеракции, контактов людей друг с другом. Формируя новое понимание «самости» Дж. Мид разграничил две его составляющие — «I» и «Me». Первая из них означает движущую силу, детерминирующую как включенность индивида в социальное взаимодействие, так и возможность дистанцироваться от других. Вторая относилась к тому, что интернализировалось в этом контексте в качестве intersубъективных, разделяемых характеристик личности как социокультурной ипостаси человеческого индивида [18].

В данном контексте следует отметить ряд подходов к пониманию именно коллективной идентичности населения. Во-первых, существует эссенциалистская идея об обусловленности коллективной идентичности рядом факторов (территориальным, этнокультурным, языковым, религиозным, историко-культурным и т. п.). Второй, инструменталистский подход акцентирует внимание на основных функциях коллективной идентичности — психологической защите в мире отчуждения и мобилизации социальных групп на защиту своих интересов. Идея конструктивистов заключается в пространственно-временной и ситуационной относительности содержания коллективной идентичности [2, с. 42]. По аналогии с социально ролевым портретом индивид не может идентифицировать себя только с одной определенной группой. Существует широкая классификация идентичностей различных видов и уровней: территориальная, культурная, этническая, национальная и др. Однако представляется возможным выделить доминирующую идентичность в сознании индивида и, более того, определить идентификационный портрет, являющий собой совокупность всех идентичностей, которые представлены у определенного человека. В свою очередь каждая из данных идентичностей под влиянием различных факторов может стать доминирующей или отойти на второй план.

Обсуждение результатов исследования. Процессы формирования культурно-цивилизационной идентичности в приграничных регионах, а в частности российско-украинского приграничья, невозможно рассматривать в отрыве от масштабных социально-политических трансформаций

новых государств. В этой связи представляется необходимым представить данные исследования в разрезе как специфических особенностей самоидентификации населения приграничных регионов, так и масштабных изменений на всем постсоветском пространстве. Процессы, затрагивающие трансформацию идентичности на пространстве новых государств, являлись объектом исследований целого ряда российских ученых [3; 4; 13; 14]. В общем виде мы можем выполнить 3 группы процессов: десоветизацию, глобализацию и интеграцию (или дезинтеграцию).

Десоветизация представляла собой процесс ускоренной деконструкции прежней идентичности, а также новое изобретение элементов и представлений о сопринадлежности. То есть на территории бывшего СССР преобладало не постепенное эволюционное изменение культурно-цивилизационной идентичности, а резкая деконструкция старой советской и сформированной новой, во многом либеральной модели. Деконструкция была направлена в плоскость системных элементов и отношений идентичности. Категории «идеология-класс» пытались заменить конструктом «религия-этничность». Аналогично статус социокультурных аутсайдеров получили атеизм и интернационализм. Этатизм сохранил свой статус в структуре новой российской идентичности. Культурный ландшафт остается эклектичным. В нем соседствуют целые пласты «советскости», традиционно российских (русских) элементов и новоизобретенных [7].

Трансформация идентичности на постсоветском пространстве являлась результатом не только десоветизации, но и общемировых процессах глобализации. Общемировое влияние глобализации подчеркивается и Э. Гидденсом, он отмечает, что процесс глобализации модерна трансформирует «внутреннюю жизнь» человека и его идентичность. В свою очередь, трансформация идентичности в современных условиях может быть понятой только в терминах конструирования «Я», самости, в качестве рефлексивного проекта. Данный рефлексивный проект «Я» заключается в выборе человеком своей идентичности из ряда стратегий, которые выработаны абстрактными системами [17]. Процессы глобализации на территории бывшего СССР способствовали слому былой «союзной» идентичности, однако они также способствовали подъему идентичностей меньшего уровня, поддерживая тенденцию к увеличению числа субъектов международных отношений. Принцип самоопределения вплоть до отделения, применяемый к национальным меньшинствам многонациональных государств, по мнению некоторых авторов, привел к росту числа недееспособных государственных образований [9].

Таким образом, в результате глобализации, с одной стороны, благодаря глобальным процессам информатизации, экономизации и интеграции размываются национальные идентичности на общемировом пространстве, с другой стороны, ответом на этот вызов глобализации является также подъем малых этнических, культурных, региональных идентичностей в рамках национальных сообществ, а также дроблением этих сообществ на более мелкие, т. е. субнациональные [9]. Это определяет специфику дезинтеграционного процесса, характеризующего трансформацию культурно-цивили-

зационной идентичности на постсоветском пространстве — ее фрагментацию.

Разрушение старой идентичности повлекло за собой возврат к предшествующей идентичности, закреплённой в рамках исторического наследия территорий. Укрепление региональных и локальных идентичностей предопределило усиление их фрагментации на территории постсоветского пространства. На процессах самоидентификации населения сказываются исторические, социальные, географические, культурные и экономические особенности региона, что влияет, в свою очередь, на восприятие собственной цивилизации и культуры населением. Говоря о межрегиональной внутригосударственной фрагментации идентичности, стоит отметить, что она может быть значительно более разнородна, чем, например, у граничащих регионов различных государств.

Несмотря на обозначенные выше факторы, характеризующие общую дезинтеграцию постсоветского пространства, в последние годы наблюдается некоторое сближение новых государств на основе ряда крупных межгосударственных интеграционных проектов. Ежегодное исследование аналитической группы Евразийского банка развития «Евразийский барометр» позволяет оценить интеграционные предпочтения населения государств постсоветского пространства. Так как для социокультурных связей Центрально-азиатского субрегиона (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) и Республики Беларусь характерно большее предпочтение постсоветскому культурному пространству, в то время как Грузия, Молдова и Украина ориентированы на страны Евросоюза. Следует обратить внимание и на возрастные отличия предпочтений населения. Так, старшее поколение в большей степени ориентировано на государства бывшего СССР, в то время как молодежь предпочитает европейский вектор. Вместе с тем интегральные индексы, объединяющие не только социокультурные связи, но также политические и экономические, позволяют к вышеперечисленным странам добавить также Армению, которая в социокультурном плане проявляет высокий уровень неопределённости, ориентируясь в равной мере на постсоветское пространство, Евросоюз и другие страны.

Вместе с тем трансформация идентичностей населения приграничных регионов имеет собственную специфику, которая предопределяет формирование на пространстве приграничья особой, отличной от других регионов государства идентичности. Однако и в данном случае постсоветское пространство имеет характерные черты присущие только для данной территории. Внутренние границы СССР на протяжении всей истории его существования не исполняли реальной барьерной функции для населения. Степень налаженности коммуникационных связей и контактов между жителями приграничных регионов союзных республик определялась культурными и социальными особенностями, а не уровнем административных барьеров. Возникновение межгосударственных границ с распадом СССР обусловило формирование новых преград и препятствий для коммуникации населения и совместного развития регионов. Связи между двумя регионами (населением, государственными и муниципальными органами власти, экономическими субъектами и т.д.) перешли из разряда внутригосу-

дарственных межрегиональных в форму международных трансграничных коммуникаций. Безусловно, это был постепенный процесс, который простекал по-разному на территории различных постсоветских республик. Например, идентичность населения не интегрированных в культурно-цивилизационную общность республик Прибалтики намного быстрее трансформировалась на европейский вектор, чем идентичность населения некоторых других республик бывшего СССР. Таким образом, контактная и барьерная функции границы являются источником трансформации идентичности приграничных регионов.

Л. Б. Вардомский выделяет «контактность», как одно из ключевых свойств границы. Контактность выражается в проводимости национальных границ для перемещения через них товаров, людей, финансов, информации. Посредством проводимости границ страна включается в процессы международного экономического и гуманитарного сотрудничества, которое выступает непеременимым условием развития любой страны. Преследуя свои экономические, политические и социальные цели, государства создают довольно сложный механизм общения с внешним миром, в котором определённым образом сочетаются элементы либеральной и протекционистской политики, контактности и барьерности государственных границ [1, с. 61].

Уровень барьерности и контактности границ определяет степень интеракции идентичности населения приграничных регионов. Важной в данном процессе является роль транскультурной коммуникации. В рамках приграничных регионов постсоветского пространства можно наблюдать также устойчивые культурные связи, сопровождающиеся процессом культурного обмена, что усиливает разницу в идентичностях населения приграничного региона и населения других внутренних субъектов государства. В данном случае на первый план выходит процесс «перехода границы» от одного культурного единства к другому. При каждой транскультурной интеракции всегда может быть предположена определенная двусторонняя, взаимобратная связь. В случае, если речь идет о межкультурной коммуникации между двумя и более культурными единствами, уже по определению имеет место «переход границы», но это носит характер взаимного обмена (интеркультурация) [15, с. 78].

Показательным в данном случае является наличие родственных и дружественных связей населения приграничья. Так, например, согласно исследованиям А. П. Катровского, более 38,8% жителей Смоленской области имели родственников на территории Белоруссии, 41,4% имели друзей в соседней республике. Из опрошенных жителей Белоруссии, родственников в России имели 57,8%, друзей — 41,6% [6]. Еще более наглядны результаты в российско-украинском приграничье. Здесь плотность родственных связей еще выше, например, 66,7% белгородцев и 57,9% харьковчан имеют прямых родственников в соседнем государстве [8]. Во многом именно родственные связи определяют процесс самоидентификации населения приграничных регионов.

В вопросе исследования культурно-цивилизационной идентичности населения приграничных регионов России и Украины необходимо углубиться еще дальше и рассмотреть культурно-историческую общность

данной территории. Территории российско-украинского пограничья, располагаемые практически параллельно государственным границам на протяжении длительного времени, относились к одним историческим регионам, обладающим собственными культурными традициями и идентичностью. Например, Белгородская и Харьковская область практически целиком входили в состав единого исторического региона — Слободской Украины (Слобожанщины).

Таким образом, приграничные регионы приобретают дополнительные факторы, оказывающие влияние на формирование культурно-цивилизационной идентичности населения, в том числе: уровень контактности и барьерности границ, степень налаженности коммуникаций и связей между населением, культурно-историческая общность.

Как показывают результаты собственных социологических исследований, идентичность населения приграничья России значительно отличается от внутренних территорий государства¹. Исследование было проведено на территориях внутрироссийского г. Кострома, граничащего с Украиной г. Белгорода и вновь интегрированной Республики Крым. В основу исследования была положена методика ценностного опроса Шварца, предполагающая сравнение типов базовых ценностей населения на основании двух биполярных шкал — «Открытость к изменениям — консерватизм» и «Самовозвышение — Самоотрансцендентность» [19]. Несмотря на то что были выявлены некоторые общие черты базовых ценностей населения приграничного региона и внутреннего, например, равновесие между консерватизмом и открытостью к новому, также можно отметить ключевое отличие, а именно значительный перевес самоотрансцендентности населения, который также можно понимать как социальную ориентацию и социальную открытость. Данный результат означает значительное преобладание таких типов базовых ценностей, как конформность, универсализм, безопасность, благожелательность, гедонизм, достижение, власть — богатство, самостоятельность, риск — новизна. При этом если разница между результатами исследования, в являющимся приграничным на протяжении почти всей своей истории Белгороде и в одном из наиболее типичных внутрироссийских городов Костроме весьма очевидна, то положение Республики Крым на шкале «Самовозвышение — Самоотрансцендентность» занимает срединную позицию между двумя этими городами.

Сравнивая полученные данные с общеевропейскими, можно отметить, что уровень самоотрансцендентности населения приграничного Белгорода, являясь более высоким, чем по России в целом, все равно существенно ниже средних европейских показателей (Нидерланды, Великобритания, Бельгия) и находится на уровне государств восточной части Европы (Болгария, Польша, Украина) [12].

Оценивая ценности населения приграничья нельзя не отметить, что идентичность в процессе трансграничной интеракции претерпевает значительные изменения относительно внутренних территорий государств. Ф. Д. Тёрнер в своих работах определял то, что является внешней гранью

¹ Исследование проведено в мае-июле 2015 г. в Белгородской области, Костромской области и Республике Крым. N=1000. Использовалась половозрастная выборка.

волны, — точкой, где встречаются дикость и цивилизация, не просто движение по одной линии, но возвращение к примитивным условиям на постоянно продвигающейся линии фронта и новое развитие этой территории. Тёрнер отмечал, что жизненный уклад фронта, формируясь на стыке двух цивилизаций, всегда отличается от жизни в старых поселениях [20, с. 12].

Современное понятие фронта существенно отличается от данного Тёрнером. Фронт — это область территорий по обе стороны границы, где население обречено на сотрудничество [16]. Кроме того, фронт представляет собой взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных культурно-цивилизационных практик, территория встречи и контактов различных культур и цивилизаций [11, с. 262].

Однако, по нашему мнению, если границы понимаются как конкретные и всеобъемлющие линии разграничения суверенитетов, обществ, стран, народов, безопасности, культуры, экономики и т.д., то фронт можно представить, как незримую пространственную черту, до пределов которой распространяется общность идентичности населения, выходящая за пределы государственных границ. Данные понятия будут совпадать только в случае максимальной барьерности государственных границ или при наличии открытых конфликтов между населением. Таким образом, фронт является более динамичным понятием, способным приобретать новые формы и характеристики.

Линия фронта, как граница пространства, в рамках которого распространяется идентичность населения, является в крайней степени трудноопределимой. В данном случае видится целесообразным выделить несколько уровней или зон фронта. Можно отметить, что интенсивность определённой идентификации снижается от центра объекта исследования к его краям. К примеру, большая часть населения определенного региона (в рамках его административно-территориальных границ) будет иметь общую культурно-цивилизационную идентичность, за исключением случаев плюрализма идентичностей, возникающих в результате специфических социальных, культурных, политических факторов и обстоятельств. В меньшей степени общность идентичности будет наблюдаться с населением, проживающим за пределами административной-территориальных границ региона, но в приграничных муниципальных образованиях. И еще в меньшей степени жителями соседних региональных центров. Однако в данном случае мы возвращаемся к противоречию понимания идентичности, поставленному нами в начале статьи. Следует ли определять фронт исходя из объективной общности ценностей, социальных кодов, социальных паттернов и других характеристик или необходимо определять фронт в соответствии с субъективным психоэмоциональным комплексом населения, с проецированием образа собственного «Я»? В рамках второго подхода можно также выделить 3 зоны фронта: территория, с которой абсолютное большинство населения (более 85%) исследуемого региона себя идентифицирует или которую считает своей «малой родиной»; территория, с которой себя идентифицирует немногим более половины населения региона (51–55%); территория, с которой себя ассоциирует лишь малая часть населения (5–7% или менее), — дальняя граница фронта идентичности.

В настоящее время культурно-исторический фронт русско-украинского приграничья распространяется за пределы государственных административных границ. Попытку исследовать его территорию предпринимали такие отечественные исследователи, как М. П. Крылов и А. А. Гриценко. В частности, в рамках социологического исследования, проведенного в приграничных районах России и Украины, респондентам предоставлялась возможность на схематичной карте, на которой отсутствовали, какие-либо административные границы, начертить границу своей малой родины, руководствуясь своими собственными ощущениями. Практически в каждом районе границы малой родины у части респондентов выходили за пределы государственной границы, что свидетельствует об определенном уровне близости идентичности населения приграничья.

**Рисунок 1 – Историко-географические границы
русско-украинского порубежья [10]**
Historico-geographical boundaries of the Russian-Ukrainian border-zone

В рамках экспертного опроса «Условия и факторы формирования культурно-цивилизационной идентичности в нестабильной социокультурной среде», проведенного в начале 2014 г. сотрудниками кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального университета, было опрошено 42 эксперта по вопросам процессов трансформации культурно-цивилизационных идентичностей. В частности, были получены следующие данные. Всего 10% экспертов с украинской стороны и 9% с российской ответили на вопрос: «В какой мере Вы согласны со следующим утверждением: несмотря на общие корни культурно-цивилизационные различия между Украиной и Россией существенны?» Полностью положитель-

но и около 50% экспертов и с той и с другой стороны считают, что такие различия несущественны. Это говорит, что, по мнению экспертов, существует общность культурно-цивилизационных идентичностей наших стран. Вместе с тем эксперты из России и Украины считают, что если процесс изменения идентичностей и происходит, то в приграничных регионах он проявляется «Значительно слабее, чем в центральных регионах» (36,5% для украинских экспертов и 54,5% для российских) или «Почти не проявляется» (22,7% и 18,8%).

В целом же исследование показало, что, по мнению экспертов, население российского приграничья соотносит себя в культурно-цивилизационном плане с Украиной сильнее, чем непосредственно жители украинского приграничья с Россией. Так, более чем 80% экспертов считают, что идея об общей судьбе наших государств поддерживает большинство населения приграничных регионов России, в то время как эту же идею поддерживает только 50% жителей украинских приграничных регионов. Стоит отметить, что в связи с нарастанием противоречий и конфликта между нашими странами в настоящее время ситуация может ухудшиться сравнительно с периодом проведения опроса.

Выводы. При исследовании идентичности населения приграничных территорий приходится сталкиваться с большим числом факторов прямого воздействия и косвенного влияния на процессы ее трансформации. Близость границы предопределяет возникновение связей и интеракций идентичности населения двух государств на субнациональном уровне. Наднациональные интеграционные процессы становятся источником трансформации локальной идентичности населения приграничных регионов. Вследствие этого в процессе взаимопроникновения идентичностей происходит формирование новых культурно-цивилизационных целостностей по обе стороны административной границы. На территориях приграничья двух и более государств формируется особая идентичность, которая, как показывают результаты исследований, может значительно отличаться от сформированной внутри государства.

Выходя за пределы государственных границ, идентичность образует определённый фронт, в пределах которого можно наблюдать общность ценностей и социальных паттернов населения. И, если в случае исследований идентичности населения определенного региона или локалитета существует возможность очертить ее базисную точку и гипотетические границы согласно расположению административного центра и официальным границам, то в случае с приграничной идентичностью можно руководствоваться только линиями фронта двух городов, регионов или государств, на пересечении которых она и расположена.

Фронты российско-украинского пограничья находятся под значительным влиянием социально-политических факторов, которые постепенно снижают возможности для интеракции между регионами двух государств. В то же время общее историческое наследие социокультурных сообществ, к примеру, Слобожанщины, фактическое отсутствие административных границ в советский период и объем накопленных социокультурных связей формируют устойчивые связи, которые, несмотря на политику централь-

ных властей, сохраняют традиционный культурный код населения, а также способствуют решению острых противоречий между государственными образованиями. Два противоречивых процесса в приграничье требуют поиска новых форм и моделей взаимодействия, которые позволят снизить барьерную функцию границ и сохранить культурно-цивилизационную идентичность населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Вардомский Л. Б., Голунова, С. В.* Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России. М.: НОФМО, 2002. 572 с.
- 2 *Головнева Е. В.* Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и её структура // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований.* 2013. № 5. С. 42–51.
- 3 *Данилова Е. Н.* Проблема социальной идентификации в постсоветской России // *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения.* 1997. № 3. С. 12–19.
- 4 *Заславская Т. И.* Трансформация российского общества как предмет мониторинга // *Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения.* 1993. № 2. С. 3–4.
- 5 *Зеленская Е.* «Идентичность Пограничья»: исследовательская задача или тайный оксюморон? // *Перекрестки.* 2012. № 3–4. С. 49–65.
- 6 *Катровский А. П., Ковалева Ю. П.* Российско-Белорусское приграничье: двадцать лет перемен. Смоленск: Универсум, 2012. 286 с.
- 7 *Когатько Д. Г.* Российская идентичность как культурно-цивилизационный феномен: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2007. 131 с.
- 8 *Колосов В. А., Вендина О. И.* Российско-украинская граница: социальные градиенты, идентичность и миграционные потоки (на примере Белгородской и Харьковской областей): сб. науч. тр. / *Миграция и пограничный режим: Беларусь, Молдова, Россия и Украина* / под ред. С. И. Пирожкова. Киев: НИПМБ. 176 с.
- 9 *Кортунов С. В.* Глобализация и национальная идентичность // *Вестник аналитики.* 2007. № 1. С. 31–35.
- 10 *Крылов М. П., Гриценко А. А.* Региональная и этнокультурная идентичность в российско-украинском и российско-белорусском порубежье: историческая память и культурные трансформации // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований.* 2012. № 2. С. 28–42.
- 11 *Левяш И. Я.* Открытое общество: от границы к фронтиру // *Социологический альманах.* 2011. № 2. С. 69–80.
- 12 *Магун В. С., Руднев М. Г.* Базовые ценности россиян в европейском контексте // *Гражданское общество в России, интернет журнал.* URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Bazov_zen_St1_Magun_Rudnev.pdf (дата обращения: 28.06.2016).
- 13 *Муха В. Н.* Динамика коллективной идентичности россиян в постсоветский период // *Теория и практика общественного развития.* 2013. № 11. С. 91–93.

- 14 *Холодковский К. Г.* Российская идентичность — колеблющаяся идентичность: сб. науч. тр. / Всероссийская научно-теоретическая конференция Идентичность как предмет политического анализа / под ред. И. С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 154–157.
- 15 *Шамне Н. Л.* Межкультурная и транскультурная коммуникация: к определению понятий // Вестник Волгоградского государственного университета. 2003. № 3. С. 73–81.
- 16 *Gasparini A.* Belonging and Identity in the European Border Towns: Self-Centered Borders, Hetero-Centered Borders // Journal of Borderlands Studies. 2014. № 29. С. 165–201.
- 17 *Giddens A.* Modernity and Self-Identity. Stanford: Stanford University Press, 1991. 264 p.
- 18 *Mead G. H.* Mind Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago: University of Chicago, 1934. 328 p.
- 19 *Schwartz S. H.* Towards a theory of the universal structure and content of values: Extention and cross-cultural replications. Journal of Personality and Social Psychology. 1990. № 3. P. 878–891.
- 20 *Turner F. J.* The Frontier in American History. New York: Holt, 1921. 280 p.

© 2017. **Valentin P. Babintsev**
Belgorod, Russia

© 2017. **Viktor A. Sapryka**
Belgorod, Russia

© 2017. **Oleg V. Bykhtin**
Belgorod, Russia

© 2017. **Olga V. Pastyuk**
Magadan, Russia

INTERACTION OF CULTURAL AND CIVILIZATIONAL IDENTITY OF THE POPULATION OF BORDER REGIONS OF RUSSIA AND UKRAINE

Abstract: The pace of modern social and political reforms in the Russian-Ukrainian frontier necessitated a detailed investigation of the processes of transformation of the cultural and civilizational identity. Identity Transformation of the former Soviet Union was caused by three interrelated processes: de-Sovietization, globalization as well as parallel fragmentation and integration of identity. The specifics of the transformation of identity in the border regions of Russia and Ukraine is determined by the barrier, the contact and integration of functions of new borders, as well as cultural and historical community areas. The results of their own sociological research allowed to allocate an important degree

of overestimation in the transcendent self-perception among population of the border regions, compared with residents of inland areas. External openness of the borderlands causes the emergence of the frontier, which can be represented as a spatial invisible line, giving way to the common identity of the population surpassing national boundaries. However, according to the expert survey, the population of the Russian borderlands relates itself in cultural and civilizational terms with Ukraine more than the inhabitants of Ukrainian border with Russia.

Keywords: cultural and civilizational identity, border regions of Russia and Ukraine, Frontier and Interaction identities.

Information about the authors:

Valentin P. Babintsev, DSc in Philosophy, Head of Chair of Social Technologies, Belgorod State National Research University, Pobedy St., 85, 308015 Belgorod, Russia. E-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Victor A. Caprica, PhD in Sociology, Associate Professor, Belgorod State National Research University, Pobedy St., 85, 308015 Belgorod, Russia. E-mail: sapryka@bsu.edu.ru

Oleg V. Bakhtin, PhD in Sociology, Associate Professor, Belgorod State National Research University, Pobedy St., 85, 308015 Belgorod, Russia. E-mail: bykhtin@bsu.edu.ru

Olga V. Pastuk, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Northeastern State University, Port St., 13, 685000 Magadan, Russia. E-mail: pastyuk@su.edu.ru

Received: June 30, 2016

Date of publication: March 15, 2017

REFERENCES

- 1 Vardomskii L. B., Golunova, S. V. *Bezopasnost' i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v poiase novykh granits Rossii* [Security and international cooperation in the belt of new Russian borders]. Moscow, NOFMO Publ., 2002. 572 p. (In Russian)
- 2 Golovneva E. V. Regional'naiia identichnost' kak forma kollektivnoi identichnosti i ee struktura [Regional identity as a form of collective identity and its structure]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniï*, 2013, no 5, pp. 42–51. (In Russian)
- 3 Danilova E. N. Problema sotsial'noi identifikatsii v postsovetskoï Rossii [Problem of social identification in post-Soviet Russia]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: monitoring obshchestvennogo mneniia* [Economic and social changes: monitoring public opinion], 1997, no 3, pp. 12–19. (In Russian)
- 4 Zaslavskaia T. I. Transformatsiia rossiiskogo obshchestva kak predmet monitoring [Transformation of Russian society as a monitoring object]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: Monitoring obshchestvennogo mneniia* [Economic and social changes: public opinion monitoring], 1993, no 2, pp. 3–4. (In Russian)
- 5 Zelenskaia E. «Identichnost' Pogranich'ia»: issledovatel'skaia zadacha ili tainyi oksiumoron? ["The identity of the Borderlands:" the research

- problem or secret oxymoron?]. *Perekrestki*, 2012, no 3–4, pp. 49–65. (In Russian)
- 6 Katrovskii A. P., Kovaleva Iu. P. *Rossiisko-Belorussskoe prigranich'e: dvadtsat' let peremen* [Russian-Belarusian borders: twenty years of change]. Smolensk, Universum Publ., 2012. 286 p. (In Russian)
- 7 Kogat'ko D. G. *Rossiiskaia identichnost' kak kul'turno-tsvivilizatsionnyi fenomen* [Russian identity as a cultural and civilizational phenomenon]: dis. ... d-ra sotsiol. nauk. Moscow, 2007. 131 p. (In Russian)
- 8 Kolosov V. A., Vendina O. I. *Rossiisko-ukrainskaia granitsa: sotsial'nye gradienty, identichnost' i migratsionnye potoki (na primere Belgorodskoi i Khar'kovskoi oblastei)* [Russian-Ukrainian border: social gradient, identity and migration flows (using the example of the Belgorod and Kharkiv regions)]: collection of scientific papers. *Migratsiia i pogranichnyi rezhim: Belarus', Moldova, Rossiia i Ukraina*, S. I. Pirozhkov ed. [Migration and border regime: Belarus, Moldova, Russia and Ukraine]. Kiev, NIPMB Publ., 2002. 176 p. (In Russian)
- 9 Kortunov S. V. *Globalizatsiia i natsional'naia identichnost'* [Globalization and national identity]. *Vestnik analitiki*, 2007, no 1, pp. 31–35. (In Russian)
- 10 Krylov M. P., Gritsenko A. A. *Regional'naia i etnokul'turnaia identichnost' v rossiisko-ukrainskom i rossiisko-belorusskom porubezh'e: istoricheskaiia pamiat' i kul'turnye transformatsii* [Regional and ethnic and cultural identity in the Russian-Ukrainian and Russian-Belarusian borderlands: historical memory and cultural transformation]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniï*, 2012, no 2, pp. 28–42. (In Russian)
- 11 Leviash I. Ia. *Otkrytoe obshchestvo: ot granitsy k frontiru* [Open Society: from the border to the frontier]. *Sotsiologicheskii al'manakh* [A sociological almanac], 2011, no 2, pp. 69–80. (In Russian)
- 12 Magun V. S., Rudnev M. G. *Bazovye tsennosti rossiian v evropeiskom kontekste* [Basic values of Russians in the European context]. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii, Internet-zhurnal* [Civil society in Russia: online magazine]. Available at: http://www.civisbook.ru/files/File/Bazov_zen_St1_Magun_Rudnev.pdf (accessed 28 June 2016). (In Russian)
- 13 Mukha V. N. *Dinamika kollektivnoi identichnosti rossiian v postsovetskii period* [Dynamics of the collective identity of Russians in the post-Soviet period]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* [Theory and practice of social development], 2013, no 11, pp. 91–93. (In Russian)
- 14 Kholodkovskii K. G. *Rossiiskaia identichnost' — kolebliushchaia identichnost'* [Russian identity — oscillating identity]: collection of scientific articles. *Vserossiiskaia nauchno-teoreticheskoi konferentsiia Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza* [All-Russian scientific-theoretical conference Identity as the subject of political analysis], ed. I. S. Semenenko. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2011, pp. 154–157. (In Russian)
- 15 Shamne N. L. *Mezhkul'turnaia i transkul'turnaia kommunikatsiia: k opredeleniiu poniatii* [Intercultural and transcultural communication: k opredeleniiu poniatii]

- to the definition of concepts]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2003, no 3, pp. 73–81. (In Russian)
- 16 Gasparini A. Belonging and Identity in the European Border Towns: Self-Centered Borders, Hetero-Centered Borders. *Journal of Borderlands Studies*, 2014, no 29, pp. 165–201. (In English)
- 17 Giddens A. *Modernity and Self-Identity*. Stanford, Stanford University Press Publ., 1991. 264 p. (In English)
- 18 Mead G. H. *Mind Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist*. Chicago, University of Chicago Publ., 1934. 328 p. (In English)
- 19 Schwarts S. H. Towards a theory of the universal structure and content of values: Extention and cross-cultural replications. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1990, no 3, pp. 878–891. (In English)
- 20 Turner F. J. *The Frontier in American History*. New York, Holt, 1921. 280 p. (In English)